

она выросла морально зловредной, нужно в литературе показывать правду жизни. Й. Плева — настоящий художник, он показал эту правду во всей ее суровости и красоте. Поэтому книга его стала классическим произведением чешской детской литературы.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ «САГИ О ФРИТЬОФЕ»

Э. Тегнер. Сага о Фриттьофе. Перевод со шведского Д. Бродского. Вступительная статья В. Адмони. Примечания Ю. Светланова. Москва, Гослитиздат, 1959. 223 стр.

Первый перевод этой книги на русский язык появился в 1841 году, и первым русским критиком, рецензировавшим ее, был В. Г. Белинский. В восторженном отзыве отмечалось, что основным достоинством «Саги о Фриттьофе» является «идея мужества, доблести, правды, любви и всего, чем гордится человечество, в чем люди сознают свое братство...»

Поэмы выдающегося шведского писателя первой половины XIX века Эсайаса Тегнера прочно и надолго заняли свое место на полках русского читателя. Перевод Я. Грота был затем переиздан в 1874 и 1898 годах, а

РОМАН, БЬЮЩИЙ ТРЕВОГУ

Гюнтер Вайзенборн. Построено на песке. Перевод с немецкого Е. Закс и Н. Португалова. Редактор Е. Фрадкина. Москва, Издательство иностранной литературы, 1960. 296 стр.

Бывший убийца становится добрым мороженщиком. Бывшие палачи сотрудничают с бывшими жертвами, томившимися в тех самых

Когда-то М. Горький писал о «Маленьком оборвыше» Д. Гринвуда, что он прочитал книгу от начала до конца со светлой улыбкой, несмотря на то, что в ней было много печального. Хочется то же самое сказать и о «Маленьком Бобеше». Светлый оптимизм, ра-

в 1935 издательство «Academia» выпустило новый, более соответствующий подлиннику и более талантливый перевод, который ныне стал библиографической редкостью. Поэтому последнее издание «Саги о Фриттьофе» является своевременным.

Тегнеровское произведение — вольная поэтическая обработка древнеисландской саги, и это обусловило его суровую простоту, сугубую конкретность изображаемого, всепроникающий национальный и временной колорит. Но главным источником непреходящей молодости «Саги о Фриттьофе» стала отчетливость и масштабность гуманистического идеала Тегнера, демократизм его идейных принципов, органическое слияние двух, казалось бы взаимоисключающих, начал: классической стройности и стихийной темпераментности, подчеркнуто рационального и столь же подчеркнуто эмоционального.

Перечитывая поэму, убеждаешься, что и сегодня она

застенках, куда первые некогда аккуратно, без опозданий приходили на «работу». Ночью несколько человек тайно роют под зданием банка подземный ход. И в ту же ночь бешено мчится машина, увозящая задавленного во время обвала рабочего...

Это не новая сказка и не кадры из гангстерского фильма. Это фрагменты, выхваченные из будничной жизни современного Бонна, «федеральной столицы», «нового Вавилона», как его называет один из персонажей

достои бытия освещают всю повесть. «С сегодняшнего дня у нас опять начинается новая жизнь. Может быть, она будет все-таки лучше...» — так верой в будущее заканчивается книга чудесного мастера слова Йозефа Плены.

И. Чернявская

не покрылась налетом антикварной пыли, что и сегодня она интересна не только чисто литературными достоинствами, но способна глубоко влиять на эмоциональный мир человека середины двадцатого столетия. Поистине пророческими оказались слова Белинского: «Да, народная поэзия *такого* племени доступна всем народам и всем векам...»

В новом, третьем по счету, переводе Д. Бродского учтены и достижения и ошибки предшественников, сохранено сложное ритмическое и размерное многообразие поэмы.

Тексту предпослана вступительная статья В. Адмони, в которой историко-литературный и эстетический анализ самой поэмы дан в непосредственной связи с общей характеристикой творческого наследия Тегнера. Книга издана сравнительно большим тиражом и, надо думать, найдет путь к уму и сердцу советского читателя.

Вл. Матусевич

романа Гюнтера Вайзенборна «Построено на песке», — Бонна, где разместился бундестаг, его административная машина, многочисленные солдатские «союзы» и штаб-квартиры неонацистских организаций.

Стремительно развертывая одну за другой картины по-американски модернизированной жизни этого когда-то идиллически тихого старонемецкого города, писатель призывает не верить ее миражам. Не верить кажущейся надежности в дей-

ствительности призрачного «экономического чуда». Не верить статистике уголовных преступлений и автомобильных катастроф в стране — цифры и тех и других систематически занижаются полицией. И не верить успокоительной видимости того, что в боннском парламенте бывшие узники фашистских концлагерей заседают рядом с бывшими нацистами. Это, подчеркивает Вайзенборн, не что иное, как второй акт того кощунственного политического фарса, первым актом которого было проведение в ФРГ пресловутой кампании по денацификации. Писатель как бы говорит: взгляните в лица прохожих на улицах Бонна, многие из них — маски. Палач превратился в мороженщика, эсэсовец — в зубного врача. На улицах уже привычным стал новый жаргон — особый «эзопов язык» реваншистов, на котором они разговаривают между собой и на котором написаны их песни, одна из них вот-вот станет новым «Хорст-Весселем».

Книга ветерана антифашистской борьбы, участника немецкого Сопротивления, узника концлагеря, освобожденного советскими войсками, Гюнтера Вайзенборна, написана с непримиримой ненавистью к фашизму. И напряженный темп, в котором, точно кадры на экране, сменяют друг друга эпизоды, и сдержанная взволнованность авторских отступлений — все это внушает читателю тревогу и мысль: нельзя допустить, чтобы стук солдатских сапог снова заглушил голос разума, справедливости, совести и фанфары реваншистской пропаганды заревели, порождая массовый военный психоз. Все это надо остановить. Сегодня. Сейчас же. Не медля ни минуты.

...В Бонн одновременно приезжают два человека. Витекинд — матерый рыцарь наживы, тертый коммерсант, прослышавший о распределении поставок для бундесвера. И двадцативосьмилетний Клаус Буц-

бах, бывший солдат, бывший военнопленный. Клаус хочет поднять кампанию за то, чтобы запретить промышленникам обрабатывать хлеб химикалиями, вредными для здоровья. Вступая на тернистый путь борника справедливости, Клаус не помышлял о политической борьбе и поэтому не знал, с какими страшными силами ему придется столкнуться. Раскрывая закономерность такого столкновения, автор подчеркивает: всякая борьба с неправдой, какой бы далекой от крупной политики она ни казалась, ведет сегодня в ФРГ к схватке с возрождающимся фашизмом.

Будучи до конца последовательным в своей ненависти к нефашизму, Вайзенборн вместе с тем не столь последователен в своих представлениях о конкретных путях борьбы с ним.

Веря в буржуазную демократию, писатель при всей своей умудренности опытом прошлого все же переоценивает ее способность преградить путь возрождению фашизма, того озверелого шовинизма, который он с такой тревогой распознает в оловянных «унтер-офицерских» глазах прохожих в штатском, вымуштрованной, деревянной походкой вышагивающих по улицам Бонна. Именно поэтому Вайзенборн, хотя и знает, что решающее слово в этой борьбе принадлежит немецкому народу, надеется также на то, что сегодня ее еще можно выиграть в боннском парламенте.

Но, изображая бундестаг и политические нравы «федеральной столицы», писатель сам противоречит себе; роман убеждает читателя, что в Федеративной Республике Германии для подавления антиимпериалистических сил внутри страны используются методы, напоминающие те, которыми пользовался Гитлер. И эта бескомпромиссная правдивость реалиста уравновешивает в книге Вайзенборна идеалистическую наивность

авторской политической доктрины. Читатель ясно видит, что дело не в том, удастся ли молодому задору Клауса пробудить от апатии прославленного вождя демократической оппозиции Рау, воплощающего в романе «добродетели» буржуазной демократии, некогда сыгравшей известную роль в немецком Сопротивлении, но, как утверждает Вайзенборн, затянутого ныне в вязкую тину мелкого парламентского политиканства. Дело в том, чтобы все прогрессивные силы внутри страны вовремя сплотились в борьбе против реваншизма.

Стремительность развертывания многопланового сюжета романа, охватывающего при сравнительно небольшом объеме разнообразный жизненный материал, потребовала от автора поисков особой формы повествования, резко ускоренного и в то же время емкого. И эта, условно говоря, «кинематографичность» поэтики романа поставила перед автором вопрос о замене детально разработанных характеристик персонажей своего рода «мгновенными снимками», а широко развернутых публицистических отступлений — глубоко вмонтированными в сюжет политическими точно заостренными аллегориями. Таким мгновенным, но действительно страшным

«снимком» главаря закулисных деятелей в бундестаге является эпизод прихода молодой женщины Лоло фон Вид к Штерценбаху за помощью. В том садизме, с которым этот холеный политикан играет со своей жертвой, заставляя ее пройти сквозь самые изощренные унижения, мы видим, каким он был в дни нацизма и каким он будет, если неофашизм восторжествует.

Клаус Буцбах принадлежит к так называемому поколению «вернувшихся» или «уцелевших». Но что решительно отличает его от героев книг писателей, выступивших от имени этого поколения западногерманской молодежи,— это пол-

ное отсутствие в Клаусе трагической изломанности, того внутреннего надрыва, того пассивного отчаяния, которые свойственны, например, молодым героям Вольфганга Борхерта или Генриха Бёля. И здесь ощущается уже не только выражение симпатии Вайзенборна к этому поколению молодежи, но и его полемика с писателями известной литературной «группы 47». В своем романе Вайзенборн, пожалуй, впервые в западногерманской литературе заговорил о том, что уже наступило время, когда этому поколению пора подумать о *гражданском* возмужании. Именно на путь такого возмужания и встает

Клаус Буцбах, постепенно расстающийся со своей политической инфантильностью.

Одна из первых деклараций Клауса начинается словами: «Наш хлеб болен!». Под фундаментом банка вдовы Виолет обнаружена не разорвавшаяся авиабомба. Попытка тайно, не компрометируя прославленного банкирского дома, извлечь ее не увенчалась успехом. Эти два образа — банка, стоящего на угрожающей взрывом бомбе, и «больного хлеба» — становятся в романе как бы своего рода символом всего «построенного на песке» боннского режима.

В. Неделин

СБОРНИК ЭФИОПСКИХ СКАЗОК

□

Огонь на горе. Эфиопские сказки, записанные Харолдом Курлендером и Вулфом Леслау. Перевод с английского Б. Носика и И. Эйтвид. Москва, Издательство иностранной литературы, 1960. 102 стр.

□

Эта небольшая книжка вводит нас в многоцветный и самобытный мир эфиопского фольклора. Народная фантазия населила его львами и леопардами, шакалами и гиенами, она дала ему щедрые краски африканского пейзажа — желтизну пустыни, синь моря и суровую зелень леса, она заставила говорить ветер и шептаться траву. У некоторых сказок долгая история — одни пришли в Эфиопию с севера, из Аравии и Индии, другие — с юга, из Конго. Но большинство из них впервые было создано на этой земле.

В сказках отразилось живое и трезвое сознание народа, с его здравым смыслом и той неповторимой непосредственностью, которая всегда поражает в фольклоре. Здесь и бытовой анекдот, и притча, и неза-

тейливая историйка, и сказка басенного склада — с хорошей, по-житейски мудрой моралью. Трусость и жадность, глупость и коварство осмеиваются во множестве эпизодов и с неистощимой изобретательностью. Сквозь сказки как лейтмотив проходит мечта о справедливости, о счастливой доле труженика, о добре, торжествующем над злом. Поэтому алчный хозяин оказывается побежденным стойкостью бедняка, царь склоняется перед мудростью простого крестьянина, леопард уступает добычу зайцу, а мартышка побеждает свирепого хищника.

Сборник включает сказку «Золотая земля». В ней рассказывается о европейских путешественниках, пришедших на землю Эфиопии. Их приветствовал сам император, им преподнесли подарки и оказали знаки уважения. А когда европейцы уезжали, их попросили снять ботинки и счистить с них землю. Таков был народный обычай, и его следующим образом объяснили путешественникам: «Эта земля дорога нам. В нее мы бросаем семена, в нее мы закапываем мертвых. Мы ложимся на нее, когда отдыхаем от трудов, на ее лугах мы пасем свой скот.

Тропки, по которым вы шли из долины в горы, из степей в леса, — эти тропки протоптали ноги наших предков, наши ноги и ноги наших детей. Эфиопская земля и отец нам, и мать, и родной брат. Мы оказали вам гостеприимство, мы поднесли вам ценные дары. Но земля Эфиопии — самое ценное, что у нас есть, и поэтому мы не можем отдать вам и крупницы этой земли».

В сказках есть особый аромат. Аромат земли, которую народ назвал золотой.

Б. Гиленсон